
ВАЛЕРИЙ АУШЕВ

“И архангельский дождик на меня моросил...”

Рубцов: осень 70-го...

ЗНАКОМСТВО

Знаю, как ревниво относятся к воспоминателям разного рода ныне здравствующие земляки и друзья Николая Рубцова. Воспоминаний о нём вышло столько, что как-то подумалось: помоги каждый в своё время Николаю Михайловичу, когда он особо бедствовал и бесприютно скитался по городам и весям, хотя бы малой толикой своего достатка и благополучия, и мы бы поэта спасли для России на многие годы. Но жизнь, как поётся в одной из песен, не повернуть назад...

Первая встреча с Рубцовым была короткой, стеснительной и настороженной с обеих сторон. Соприкосновения наши напоминали отношения свободного художника-скитальца и вкрученного тогдашней властью в общий идеологический механизм “винтика”-редактора областной молодежной газеты, которого, правда, не всегда удавалось повернуть в “нужном” направлении...

Рубцов, как другие “залётные” поэты, поиздержавшиеся в Архангельске, не сетовал на материальные затруднения, отсутствие денег. Его иронические стихи: “Стукнешь по карману – не звенит, стукнешь по другому – не слышать. Если буду очень знаменит, то поеду в Ялту отдыхать”, – я услышал не от самого автора, в другое время и в ином исполнении. А тогда в Архангельске (октябрь 1970 года) стояла глубокая осень, больше похожая на раннюю весну: с морозной слякотью и грязью, которая, оттаивая в тепле, приносила явные неудобства и виноватую стеснительность у посетителей казённых кабинетов...

Запомнились неуклюжие, как бы заранее извиняющиеся за причинённое беспокойство шаги и следы от дорожной обуви Рубцова, протянувшиеся от двери через всю длину кабинета к редакторскому столу; его потёртое на рукавах, в локтях и на пуговичных прорезях выдавшее виды пальто с поднятым воротником; неизменный в бело-чёрную клетку (презент на память товарища по Литинституту) шарф и ничем не прикрытая голова рано помудревшего, а посему и быстро стареющего человека. Он молча положил передо мной кипу страниц с новыми, отпечатанными на пишущей машинке и размашисто написанными от руки стихами и терпеливо стал дожидаться, когда я брошу телефонную трубку, раздосадованный неурядицами в наборном цехе типографии. В те времена газетный текст набирался на

линотипных станках и отливался отдельными металлическими строками, которые потом верстальщик размещал в специальной раме форматом с газетную страницу.

“Вот, выбери, что нужно”, – небрежно бросил Рубцов, давая понять, что не очень-то обеспокоен дальнейшей судьбой своих стихов. И правда, вид у него был отрешённый, взгляд скользил мимо меня, сквозь пыльные стёкла единственного окна, прорубленного в непомерно толстой стене знаменитого архангельского Гостиного двора. Построен он был в виде крепости для защиты города от незваных лихих гостей, помышлявших в стародавние времена напасть на северный форпост русского государства со стороны Белого моря.

За окном мрачно, с каким-то свинцовым остервенением металась Северная Двина, скакал по волнам, как заяц с кочки на кочку, лоцманский катер, нащупывая фарватер мощному лесовозу. Через пространство мятущейся воды лежал Кегостров.

Рубцов вдруг встрепенулся: “Этот остров и писатель Александр Грин – для меня мистика, тайна нашего века. Есть у него одно место в малоизвестном рассказе “Река”: описание почти точь-в-точь сегодняшнего состояния и погоды и настроения... Если что-нибудь не так, не дословно вспомню – прости...”

Меня поразила тогда не столько феноменальная память Николая – потом я нашёл этот фрагмент в рассказе Грина, – сколько сказанное поэтом после: “Давно эту вещь читал. “Поднялся ветер, река вздулась и потемнела; было холодно; сыро; грести становилось трудно: ветром и волнением гнало лодку прочь от города к противоположному берегу...” И остров-то Грин назвал Тошным... И мне тошно...” Кто бы знал, что подобное скоро, буквально через пару дней, случится и с нами на реке Курополке – одном из рукавов Северной Двины возле самих Холмогор... Хотелось хоть чем-то скрасить плохое настроение гостя, позвонил в бухгалтерию, чтобы выдали гонорар за ещё не опубликованные стихи... А затем препроводил его в редакционную фотолaborаторию, где попросил запечатлеться для врезки к его стихам. Снимка от него я так и не дождался, самого же Рубцова нашёл под лёгким “кайфом” в окружении двух наших фотокорреспондентов...

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ДЕСАНТ

Теперь, по истечении многих лет, можно доподлинно восстановить все моменты и перипетии этого всколыхнувшего весь Архангельск события. Ещё бы! В город со своим традиционным поморским размеренным укладом нагрянули сразу человек тридцать писателей во главе с председателем Союза писателей Российской Федерации С. В. Михалковым. В столице Беломорья, куда съехались прозаики, поэты, критики Северо-Западного региона России, проходил выездной секретариат Союза писателей России.

Передо мной лежит (теперь уже как исторический документ) список приглашённых литераторов, согласованный с правлением СП РСФСР, Отделом культуры ЦК КПСС и Архангельским обкомом партии. Как ни странно, фамилии Николая Рубцова в нём нет. Но 11 октября 1970 года, накануне открытия выездного заседания секретариата, когда архангелогородцы встречали на перроне железнодорожного вокзала гостей, в составе делегации, прибывшей из Вологды, был отмечен и Рубцов. Вологодская делегация на выездном секретариате, не считая местных литераторов, оказалась самой представительной. Как заявил её руководитель, поэт Александр Романов: “Писательскую организацию Вологды на заседании выездного секретариата правления СП представляют: Виктор Астафьев, Василий Белов, Виктор Гура, Виктор Коротаяев, Иван Полуянов, Николай Рубцов, Ольга Фокина. Все они знакомы с Архангельском не понаслышке. Их книги издаются в вашем городе, Северо-Западное издательство имеет свой филиал в Вологде... Крепкая творческая дружба связывает литераторов двух областей. И в Архангельске мы говорим: “Приехали к землякам!” (“Северный комсомолец”, 11.11.1970 г.).

В вестибюле респектабельной по тем временам гостиницы “Двина” с утра дежурили ребята в красных галстуках, ожидавшие приезда своего

любимого писателя Сергея Михалкова. А в штабе секретариата, разместившемся на одном из этажей, прибывающих писателей регистрировали, вручали пригласительные билеты на предстоящие торжественные мероприятия, согласовывали с ответственным секретарём Архангельской писательской организации Дмитрием Ушаковым и его помощниками, среди которых и мне нашлась работа, график встреч и выступлений в производственных коллективах и организациях, оформляли гостиничные и проездные документы. Как всегда в таких случаях, царили гвалт и оживление, вызванные старыми друзьями, собратями по перу, давно не видевшимися и бурно радовавшимися предоставленной возможности свидеться друг с другом.

Понедельник, 12 октября, 10.00 утра. Открытие выездного секретариата правления Союза писателей РСФСР, посвященного теме: “Человек труда в произведениях писателей Севера”, состоялось в Доме политического просвещения. После приветствия первого секретаря Архангельского обкома КПСС Б. В. Попова со вступительным словом выступил председатель правления СП РСФСР С. В. Михалков: “Может возникнуть вопрос: почему местом работы выездного совещания секретариата избран Архангельск, а не какой-либо другой город нашего Русского Севера. В выборе места нашей работы мы исходили из того убеждения, что у нас сейчас нет понятия областной, периферийной литературы, или тем более провинциальной. Мы считаем, что у нас есть единая российская советская литература... По многим исторически сложившимся обстоятельствам Архангельск является своего рода столицей Русского Севера, городом, с именем которого связаны многие славные страницы далёкого прошлого нашего народа и нашей недавней истории. Архангельск был и остаётся форпостом нашей державы на её северных рубежах. Архангельск – родина великого Ломоносова, в ком ещё двести лет назад с такой силой выразился гений русского народа. Наконец, Архангельск сегодня – это колыбель новых героев труда, новых талантов, нового, ещё небывалого в истории энтузиазма народа, преобразующего этот суровый и богатый край”.

С анализом современной северной прозы выступил секретарь правления, известный писатель Сергей Залыгин, следом за ним подробный анализ поэзии Севера сделал секретарь правления, поэт Сергей Орлов. Из наиболее сильных книг поэтов, определившихся в своей индивидуальности на Севере за последние годы, он назвал книги вологжан Ольги Фокиной, Александра Романова, Николая Рубцова, Виктора Коротаева, Бориса Чулкова, архангельских поэтов Дмитрия Ушакова и Николая Журавлёва. “Литературные традиции в стихах талантливых поэтов, живущих на Севере, – отметил С. Орлов, – сочетаются с богатыми революционными традициями народа, обновляются ими. Человек труда предстаёт в поэзии в движении; мир, окружающий его, полон социальных событий”.

*В деревне виднее природа и люди.
Конечно, за всех говорить не берусь!
Виднее над полем при звёздном салюте,
На чём поднималась великая Русь!*

Это стихи Николая Рубцова из Вологды, весело, остро и по существу ощущающего связь времени в том мире, который именуется сельским... Любовь к земле – традиция. Она идёт через оды Михайлы Ломоносова, через Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Блока, Маяковского, Есенина к поэтам старшего поколения, зачинателям русской советской поэзии, к поэтам совсем молодым, влюблённым в день грядущий, помнящим вчерашний день и думающим о завтрашнем дне”.

ИНЦИДЕНТ

Вечером того же дня в Архангельском областном драматическом театре имени М. В. Ломоносова прозаики и поэты России выступили перед трудящимися города со своеобразным творческим отчётом. Туда же был приглашён и Николай Рубцов, но его место в президиуме пустовало. Лишь

немногие, в том числе и я, дежуривший в штабе выездного секретариата, знали истинную причину его отсутствия.

Накануне у Рубцова состоялся неприятный разговор с председателем правления Союза писателей РСФСР Сергеем Владимировичем Михалковым. Причиной тому стал конфликт, возникший между Рубцовым и принимавшей участие в выездном секретариате инструктором Отдела культуры ЦК КПСС Н. П. Жильцовой. Когда Рубцов возвращался с Егором Исаевым из гостей из номера Виктора Петровича Астафьева, он громко разговаривал, несмотря на позднее время. Выглянувшая из своего номера Нина Павловна сделала им замечание, что пора бы успокоиться, но Николай не сдержал нахлынувших эмоций и нагрубил ей.

На следующий день Рубцов должен был по приказу Михалкова вернуться назад в Вологду “за хамское поведение, несдержанность и неэтичный выпад в адрес цеховского работника”. Можно было понять его состояние, а тут ещё некстати ему встретился бывший директор Северо-Западного книжного издательства Б. С. Пономарёв, общительный, добрейшей души человек. В этом издательстве вышли поэтические сборники Н. Рубцова: “Лирика” (1965 г.) и “Душа хранит” (1969 г.). Позже в своей книге “Литературный Архангельск” (История Архангельской писательской организации, 1982 г.) Борис Семенович так отзовется о неожиданной встрече с поэтом:

“Николай Михайлович, чем-то раздосадованный, был замкнут, неразговорчив, встревожен. Я поинтересовался у Рубцова, какую он готовит рукопись для Северо-Западного издательства. Но, скажу откровенно, разговора не получилось. Рубцов, посмотрев на меня своими пронзительными глазами, только и сказал, что ему сейчас тяжело и, право, совсем не до сборника. И даже не пошёл на заседание. А там Сергей Орлов, делая доклад по северной поэзии, тепло говорил о его стихах...”

Так что же произошло в гостинице накануне вечером? Автор книги Н. Коняев “Николай Рубцов”, изданной в серии “Жизнь замечательных людей”, приводит рассказ секретаря Вологодской писательской организации:

“Рано утром до открытия совещания вызвали к Михалкову, — вспоминает Александр Романов. — За многие годы секретарской работы ещё не было случая, чтоб столь срочно потребовали меня к главе Российского Союза писателей. Какая же надобность? Белов, Астафьев, Фокина, Рубцов, Коротаев, Полуянов, Оботуров здесь. К выступлению я готов, речь написана... В тревоге и недоумении стучу в номер и слышу: “Входите”.

Сергей Владимирович хмуро возвысился надо мной и протянул руку.

— Произошло ЧП, — последнее слово от негодования повторил дважды. — Николай Рубцов нахулиганил...

— Что случилось?

— Он оскорбил женщину! Инструктора Центрального Комитета партии!

От такой неожиданности я смешался...

... Михалков метнул суровый взгляд:

— Если Рубцов сейчас же не извинится, мы лишим его делегатских полномочий!

Крыть было нечем. И я пошёл в номер, где на смятой кровати понуро сидел Рубцов. Бледный и больной. Стало жаль его. Соседи по номеру уже, поди-ка, толкуются в буфете, а он мрачно припоминает, что было с ним вчера. Такая беспощадная самоказнь давно ведома мне. Состояние ужасное. И Коля обрадовался, увидев меня. Но я-то пришёл к нему не с облегчением, не с радости, а со строгим приказом С. В. Михалкова. И кратко рассказал о только что состоявшейся встрече.

— Да я ведь, — растерянно и наивно развёл руками Коля, — не знал, что она из ЦК. Я к ней и не подходил, это она меня задержала. Начала стыдить, укорять... Эх! — схватился он за голову. — Ну, выпил... С радости выпил. Я ведь Архангельск люблю. Давно в нём не был...

— Коля, Михалков велел тебе извиниться перед ней, — назвал я имя и отчество этой руководящей женщины. — Иначе лишат тебя командировочных денег, не пустят на совещание... Перебори себя, извинись...

Рубцов долго и хмуро молчал, глядя в архангельское окно. Потом встал, умылся и пошёл извиняться. Он был вольным человеком в Поэзии и подневольным — в нищете”.

НА РОДИНЕ ЛОМОНОСОВА

На следующее утро замкнутый и хмурый Николай Рубцов вместе с другими писателями явился на Красную пристань, у причальной стенки которой стоял, покачиваясь на волнах, белоснежный теплоход. По приглашению Северного морского пароходства гости города – писатели и поэты – отправлялись на прогулку по Северной Двине, а точнее – на родину М. Ломоносова. В кают-компании было приготовлено обильное, по-поморски щедрое угощение для желанных гостей: блюда из традиционной северной рыбы – сёмги, палтуса, трески; икра; большое разнообразие холодных закусок, солёных грибов, выпечки, фруктов и ягод. Гости преимущественно тянулись к моршке, бруснике и клюкве. Разного питания было предостаточно, но Николай смотрел отсутствующим взглядом на этот пёстрый, ломящийся от яств стол, а потом и вовсе поднялся на верхнюю палубу и часа полтора недвижно глядел на бесконечно тянущийся высокий берег. Пожухлый лес был подёрнут морозной, клубящейся дымкой, а небо из-за почти цепляющихся за мачту теплохода облаков казалось низким и бесприютным.

Рубцов оживился, когда мы стали проплывать мимо старинного поморского села Кехты, в котором преподавал учитель Яковлев, известный своими стихами. С некоторыми из них познакомился и Рубцов, тепло отзываясь о поэте. Я признался ему, что тоже учительствовал в этих местах и мне тоже легко сочинялось и писалось на земле Ломоносова. “И немудрено, – заметил он, – здесь земля душевная. Здесь грешно и стыдно писать плохо...”

“Наверное, открытку эту, простенькую, с неброским рисунком, восьмиклассница Надя Галушина сбережёт на всю жизнь. Потому что маленькая площадь открыточного листка вместила в себя автографы больших мастеров литературы – участников выездного секретариата правления Союза писателей РСФСР, – писал в заметке “На родине великого помора”, опубликованной в “Северном комсомольце” (16 октября 1970 г.), М. Крутов. – Для Нади и её подружек-одноклассниц, для всех жителей северного села этот хмурый, осенний и будничный день был действительно праздником. А начался он с того, что Сергей Владимирович Михалков и Николай Кузьмич Жернаков от имени русских писателей возложили к памятнику первому российскому академику венки”.

Всё так, но добавлю маленькую деталь: на той памятной открытке остались и автограф Николая Рубцова. Он не очень внимательно прислушивался к тому, о чём говорили званые гости на импровизированном митинге возле школы, у подножия памятника М. В. Ломоносову, но явно оживился, слушая напевный говор хозяев земли холмогорской: первого секретаря райкома партии Н. Свалова, директора фабрики художественной резьбы по кости М. Христофорова, одной из мастериц этой фабрики Т. Абакумовой, писателя Н. Жернакова. “...На древней Поморской земле, на земле первого русского писателя, поэта Михайлы Ломоносова, – подчеркнул Николай Кузьмич, – большой праздник и большая литературная страда. Удачи вам, писатели, поэты Севера! Мористее забирайте! Верная поморская примета: хорошая, крупная рыба всегда на глубинах. Попутного ветра на голомя!”

Слова Н. Жернакова, очевидно, тронули Рубцова. В таком трепетно-приподнятом состоянии видеть мне Николая до этого не доводилось. Среди местных жителей, пришедших на митинг к Ломоносовской школе, я заметил Геннадия Седакова, с которым ранее работал в Курейской восьмилетке. Его отец также был искуснейшим косторезом. Об этой поморской семье не преминул рассказать Николаю Рубцову. Тот загорелся желанием непременно побывать у них дома, и через некоторое время на мотоцикле с коляской Геннадий Иванович доставил нас к себе домой.

У отца Геннадия, работавшего за столом, Рубцов, приглядевшись к уверенным движениям мастера художественной резьбы по кости и освоившись на новом месте, попросил вдруг шильце, пилку и пытался пропиливать намеченное отверстие на костяной заготовке гребня с рельефными оленьими. И, представьте, у него это ловко получилось. Я заметил, с каким смущением принимал он в подарок от старого мастера небольшой сувенир – маленькую поморскую ладью, выполненную из моржового клыка, не зная,

куда её деть... А потом в избе был накрыт большой стол, за которым мы, выпив по стопке, отведали знаменитых солёных волнушек и белых груздей, поморских шанег и кулебяк с палтусом, слушали бесхитростный рассказ о жизни земляков М. Ломоносова, читали собравшимся родственникам и соседям Седаковых свои стихи. Рубцов, помнится, познакомил слушателей с двумя своими произведениями: “Тихая моя Родина” и “Поезд”. Первое стихотворение он читал с проникающей в души, щемящей грустью, от которой у присутствующих повлажнили глаза. Очевидно, на выбор Николаем стихов повлияла утренняя встреча у Ломоносовской школы:

*Новый забор перед школою,
Тот же зелёный простор.
Словно ворона весёлая,
Сяду опять на забор!*

*Школа моя деревянная!..
Время придёт уезжать -
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.*

Исполнение второго стихотворения было наполнено возрастающей экспрессией и динамикой:

*Поезд мчится
с грохотом и воем,
Поезд мчится
с лязганьем и свистом...*

В своё время ещё Вадим Кожин очень точно подметил: “Все, кто слышал стихотворения Николая Рубцова в его собственном исполнении, вероятно, помнят, как, увлекаясь чтением, поэт сопровождал его характерными движениями рук, похожими на жесты дирижёра или руководителя хора. Он словно управлял слышимой только ему звучащей стихией, которая жила где-то вне его...”

... Ближе к вечеру Геннадий Иванович наладил свою лодку с 30-сильным “Вихрем” и решил доставить нас в село Холмогоры по воде. Нужно сказать, что река к тому времени сильно обмелела, и на пути часто встречались песчаные отмели, между которыми Геннадию поначалу удавалось с лёгкостью лавировать. Но сумерки сгущались с невероятной быстротой, делая едва различимыми протоки между отмелями. Несмотря на относительно тихий ход, мы всё же умудрились “впилиться” в одну из песчаных кос, а когда с невероятным трудом снялись с неё, через каких-то минут пять “напоролась” на очередную мель. Мало того, в темноте потеряли вёсла, и теперь стронуться с места вообще стало проблематично. В резиновых крагах был только Геннадий, а мы с Николаем – двое “городских в штиблетах” – беспомощно взирали на таинственно блещущую водяную жуть. Пытались, засучив рукава, сдвинуть лодку с места, гребя руками, но пальцы быстро заоченели: октябрь на Двине – не самая лучшая пора даже для шлёпанья по воде руками.

Тут-то и вспомнил Рубцов рассказ Александра Грина “Река”, о котором зашла речь в моём редакторском кабинете. В носовой части лодки, укрытой от волн и ветра лёгким фанерным навесом, мне удалось отыскать старинное ружьё с непомерно длинным стволом, которое местные охотники зовут “гусёвкой”. Вот с помощью него, как ни странно, удалось сняться с каменной глыбы, оказавшейся под днищем... Через полчаса мы втроём уже приводили себя в порядок на пристани с. Холмогоры...

“Вечером в районном Доме культуры писатели встретились с тружениками сельского хозяйства Холмогорья, – информировал своих читателей “Северный комсомолец” (16 октября 1970 г.). – Зал, как принято говорить в таких случаях, был переполнен. Не всем хватило места, и “неудачники” заполнили проходы между рядами. Вели встречу секретари правления Григорий Коновалов и Анатолий Ананьев. На вечере выступили поэты Николай Рубцов, Егор Исаев, Виктор Боков и Валерий Аушев”.

Областная же партийная газета вообще обошла молчанием поездку в Холмогоры и выступления там Н. Рубцова. Зато, в отличие от “старшего партийного собрата”, холмогорская районная газета “За коммунизм” расщедрилась и предоставила всю первую полосу номера от 17 октября 1970 г. фоторепортажу “Здесь Русью пахнет...” о пребывании писателей России на земле Ломоносова:

“... Давно не собиралось столько людей в Доме культуры, сколько пришло на встречу с писателями 14 октября. Заполнены проходы, в зале много молодёжи, на сцене – надпись: “Книга – могучее оружие общения, труда, борьбы”. В фойе идёт оживлённая торговля книгами, журналами...”

“С плакатом подзагнули, – съязвил Рубцов. – Оружие и общение – диаметрально противоположные понятия, а здесь, в тексте, какой-то сплошной милитаризм”. Но это не помешало ему прочитать со сцены пронзительной силы “мирные” стихи:

*Светлый покой
Опустился с небес
И посетил мою душу.
Светлый покой,
Простираясь окрест,
Воды объемлет и сушу...
О, этот светлый
Покой-чародей!
Очарованием смелым
Сделай меж белых
Своих лебедей
Чёрного лебеда – белым!*

(“На озере”)

РАЗГОВОР НА ПАЛУБЕ

Наш теплоход, на котором писательский десант отправился в Холмогоры, при ближайшем рассмотрении оказался не таким уж белоснежным, как выглядел со стороны Красной пристани, откуда мы отправились в путь. Несмотря на всё старательное пыхтение, плавсредство, казалось, ползло вверх по фарватеру Северной Двины. Над нашими головами медленно проплыли металлические конструкции огромного монстра-моста, по которому так же не спеша пропыхтел почти игрушечный тепловозик с несколькими вагонами, а мы, наверное, высыпавшие на верхнюю палубу, стоявшие на корме и по бортам, вообще казались муравьями пассажирам поезда. Два сосредоточенных и увлечённых “муравья” – мы с Николаем Рубцовым, стояли, уединившись у трапа, ведущего на верхнюю палубу, и вели неторопливый разговор... о детской поэзии, как это ни странно покажется кому-либо из читателей.

Я, ещё не остывший от лестных слов в мой адрес, сказанных на выездном секретариате такими авторитетами, как Анатолий Алексин, Сергей Михалков, Виктор Боков и другими, пафосно разглагольствовал о великом предназначении детской литературы. Николай спокойно слушал мои тирады, оживился вдруг, в мгновение его тяжёлый, мрачный, недовольный взгляд и резкая нетерпимость ко всему, что окружало его ещё там, позади на берегу, исчезли; он подобрел, смягчился и сказал:

– У меня, если знаешь, дочка Лена растёт... Твоей московской книжки я не читал, а вот архангельские видел у нас в Вологде, на книжных прилавках. Вам, детским поэтам, везёт, такими тиражами вас, дураков, печатают, что нам только во сне может присниться... Скажу откровенно: я не вижу смысла в том, чтобы делить художественную литературу на детскую и взрослую. Глупо всё это! Льва Толстого и Чехова, что, тоже можно причислять к детским писателям, а Пушкина и того же Есенина – к детским поэтам?! Понимаешь, на что ты себя обрекаешь! Я против детских писателей вообще и “за!” писателей, пишущих для детей. Не должно быть профессии

детского поэта или детского писателя. Это выдумка Чуковского, Маршака, разных там Барто и им подобных...

Я робко пытался возразить Николаю, поясняя, что не каждому дано чувствовать душу ребёнка, разбираться в возрастной психологии.

— Это в тебе учитель сидит. Чувствовать нужно душу природы, тогда и душа ребёнка тебе откроется. Вот послушай. — И Николай прочитал стихи “Про зайца”:

*Заяц в лес бежал по лугу,
Я из лесу шёл домой, -
Бедный заяц с перепугу
Так и сел передо мной!*

*Так и обмер, бестолковый,
Но, конечно, в тот же миг
Поскакал в лесок сосновый,
Слыша мой весёлый крик.*

*И ещё, наверно, долго
С вечной дрожью в тишине
Думал где-нибудь под ёлкой
О себе и обо мне.*

*Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого.*

Стихотворение это Рубцов написал в 1969 году. Однако первая книжка стихов для детей “Первый снег” Николая Рубцова увидит свет лишь в 1975 году (сост. В. Оботуров), через два года она будет переиздана в Алтайском книжном издательстве. А урок, преподанный им мне во время поездки на теплоходе по Северной Двине, помнится до сих пор.